

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГА

© 2016 г.

Е.С. Балабанова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

balabanova@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 18.04.2016**Статья принята к публикации 07.11.2016*

Представлены результаты анализа научных публикаций как ключевого параметра профессиональной культуры социолога. Выполнен сравнительный содержательно-библиометрический анализ 1829 статей, опубликованных в последние годы в ведущих российских и зарубежных социологических журналах. Показано существенное отставание профессионального уровня отечественных статей по таким параметрам, как структура научных публикаций, их источниковая база, разнообразие и «прозрачность» методов исследования, объем и обоснованность выводов, уровень статистического анализа данных. Подчеркивается, что российские социологи в целом выпадают из мировой тенденции использования данных «объективного» характера, а стилистика текстов нередко публицистична и нормативна, не соответствует принципу идеологической нейтральности. Делается вывод об эндогенном характере кризиса российской социологии – «порочном круге недостаточного профессионализма».

Ключевые слова: российская социология, зарубежная социология, социологические журналы, профессиональная культура, количественные исследования, выборки, методы анализа данных.

Уровень профессиональной культуры российских социологов, являющийся одним из проявлений кризисного состояния российской социологии, неоднократно становился предметом дискуссий как на крупных научных форумах, так и на страницах ведущих отечественных социологических журналов. Пристальное внимание привлекают к себе такие проблемы, как мелкотемье, отсутствие стремления и способности к теоретическим обобщениям, размывание границ «научности» социологического знания, умозрительность выводов, слабое знакомство отдельных авторов с литературой по теме исследования [1], несформированность профессиональной идентичности [2], «кнопочная психология» [3], низкий уровень математической культуры социологов [4; 5]. Наряду с вышеперечисленными «качественными» оценками, экспертными мнениями, характеризующими уровень развития российской социологии, в последние годы растет число наукометрических исследований, включающих количественный анализ публикаций [6; 7; 8; 9], и диссертационных работ [10].

Результаты приведенного ниже сравнительного библиометрического анализа статей, опубликованных в четырех ведущих российских и трех ведущих международных социологических журналах, преодолевают ограничения извест-

ных нам исследований, опирающихся на анализ структуры цитирований либо ключевых слов публикаций. Нами был выполнен содержательный анализ самих статей (*article survey*) за определенный промежуток времени, включающий сравнение как формальных библиометрических показателей, так и дизайна исследований и методов анализа эмпирических данных. Была сформирована сплошная выборка статей из изданий, занимающих три верхние позиции рейтинга в рубрике «Социология» базы данных научного цитирования *Web of Science* по состоянию на 2013 год, три верхние позиции по импакт-фактору РИНЦ; а также из Журнала социологии и социальной антропологии (ЖССА) как ведущего журнала Санкт-петербургской социологической школы, занимающего в этом списке 8-ю позицию¹. Общий размер нашей выборки составил 1829 статей (табл. 1)².

Как видим, все зарубежные издания в нашей выборке представлены журналами, издаваемыми в США. Ведущие британские журналы по общесоциологической тематике (*Sociology, European Sociological Review, British Journal of Sociology*) занимают в рейтинге цитирования за 2013 год соответственно 28-е, 51-е и 53-е места, то есть заметно отстают от своих американских конкурентов по уровню влияния. Между ними в рейтинге находится большое количество специ-

Таблица 1

Структура и основные характеристики выборки статей

Название журнала	Место в рейтинге цитирования за 2013 год, WoS	Значение импакт-фактора за 5 лет, WoS	Значение российского импакт-фактора, РИНЦ	Страна	Анализируемый период	Количество статей
Annual Review of Sociology	1	7.047	–	США	2009–2014	149
American Sociological Review	2	6.097	–	США	2009–2014	228
American Journal of Sociology	3	4.912	–	США	2011–2014	101
Социологические исследования	121	0.174	1.3	Россия	2010 – октябрь 2014	810
Экономическая социология	–	–	0.8	Россия	2010–2014	119
Журнал социологии и социальной антропологии (ЖССА)	–	–	0.4	Россия	2010–2014	289
Мир России	–	–	1.2	Россия	2010–2014	133
<i>Итого</i>						1829

Таблица 2

Доля статей с эмпирическими исследованиями в журналах

Название журнала	Доля статей с эмпирическими исследованиями
Annual Review of Sociology	3
American Sociological Review	96
American Journal of Sociology	83
Социологические исследования	56
Экономическая социология	50
ЖССА	45
Мир России	59
<i>По выборке</i>	
	56

ализированных журналов по социологическим проблемам туризма, семьи и брака, теории и методологии социологии, политической социологии и т.д.

Единицей нашего анализа являлись статьи из основных рубрик журналов, представляющих результаты социологических исследований. Из анализа исключались статьи-рецензии, рубрики «Интервью», «Первые шаги», «Социологическая публицистика», «Научная жизнь», «Книжное обозрение», «Дискуссия. Полемика», «История социологии», «Социологическое наследие», «Факты. Комментарии. Заметки», «Письмо в редакцию».

Индикаторами исследования были объем статьи, количество авторов и цитируемых источников. В содержательном плане нас интересовало наличие в статье эмпирического исследования. В качестве «эмпирических» кодировались только статьи, предполагавшие работу авторов с базами данных, производство самостоятельных расчетов на первичном материале. В категорию «эмпирических» не попадали материалы переписей, статистических данных, если

работа с ними заключалась лишь в сведении данных в таблицы и графики. Далее эмпирические исследования разделялись на качественные, количественные и те, где представлялось сочетание обеих стратегий сбора и анализа данных. Статьи с использованием количественных методов классифицировались по характеру данных, выборки и методам анализа данных. Сразу оговоримся, что ввиду неравного количества статей за анализируемый период времени российская выборка смещена в сторону статей в Социсе (см. табл. 2).

Как видим, редакционная политика журналов весьма различна по своему предпочтению теоретических либо эмпирических статей. *Annual Review of Sociology* ориентирован на публикацию материалов обзорного и теоретико-методологического характера, представляющих анализ положения дел и «исследовательскую программу» в различных отраслях социологического знания. Мы посчитали необходимым включить статьи *ARS* в общий анализ ввиду лидирующего положения этого журнала в рейтингах цитирования. В свою очередь, *American So-*

Таблица 3

Сравнительный анализ объема статей и количества авторов				
Группы журналов	Медианный ³ объем статей, п.л.		Среднее количество авторов в расчете на одну статью	
По названиям журналов				
Annual Review of Sociology	2.1		1.8	
American Sociological Review	2.4		2.1	
American Journal of Sociology	4.4		1.8	
В целом по зарубежным журналам	2.4		1.95	
Социологические исследования	0.8		1.36	
Экономическая социология	2.2		1.29	
ЖССА	1.1		1.25	
Мир России	2.0		1.59	
В целом по российским журналам	1.0		1.35	
По категориям статей				
Группы журналов	Теоретические	Эмпирические	Теоретические	Эмпирические
Зарубежные	2.1	2.6	1.7	2.1
Российские	1.0	1.0	1.2	1.5

ological Review и *American Journal of Sociology* ориентированы преимущественно на эмпирические исследования. На этом фоне все четыре российских журнала являются, скорее, «агрегированными» изданиями, предоставляя авторам примерно одинаковые шансы опубликовать статьи обоих типов.

Прокрустово ложе одного печатного листа: что в результате?

Первое, что обращает на себя внимание при количественном сравнении статей в отобранных журналах, – это различия в объеме публикаций (табл. 3). Российские статьи в среднем в 2.4 раза «легче» зарубежных. Причем если зарубежные публикации с результатами эмпирических исследований заметно больше по объему, то российские статьи по этому критерию не различаются.

Что кроется за этими формальными различиями и к чему приводит редакционная политика большинства российских социологических журналов, ограничивающих объем принимаемых к публикации материалов 40 тысячами символов?

В российских журналах обращает на себя внимание большое количество очень маленьких статей эмпирического характера, представляющих собой, скорее, социологические этюды, зарисовки, «вести с полей», чем результаты научных исследований (и попадающих, тем не менее, в основные рубрики журналов). 12% российских статей – это публикации объемом 0.5 п.л. и менее, в то время как минимальный размер статей в анализируемых нами зарубежных журналах составил 1.3, а максимальный –

6.3 п.л. Ориентация на более объемные статьи характерна для «Мира России» и «Экономической социологии», в то время как Социс и ЖССА отличаются стремлением публиковать большее количество статей в выпуске, но относительно малого объема. Кроме того, российские авторы, как показывают данные табл. 3, также более индивидуалистичны, чем зарубежные.

По нашему мнению, именно жесткие ограничения по объему являются одной из важнейших «внешних», формальных причин низкого качества статей, публикуемых российскими авторами, демонстрируя приоритет «количества» (возможности опубликоваться большему числу авторов) перед «качеством» (научным уровнем статей). В сочетании с общим низким уровнем нашей методологической культуры, эти формальные ограничения приводят к перечисленным ниже проблемам отечественных публикаций.

Статьи в стиле «поток сознания»: отсутствие четкой структуры текста

Сравнение эмпирических статей в российских и зарубежных журналах обнаруживает большие различия в структуре текстов. Зарубежные статьи структурируются в соответствии с критериями *IMRD* (*introduction, methods, results, discussion*), являющимися универсальным требованием не только социологических, но любых международных научных журналов. Далеко не все российские авторы соответствуют этим канонам; более того, многие статьи вообще не структурированы. Текст может либо начинаться словами «статья представляет результаты собственного исследования авто-

Таблица 4

Показатели количества цитируемых источников по группам журналов				
Группы журналов	Медианное количество источников	Минимум	Максимум	Доля статей, не содержащих ни одного источника, %
По названиям журналов				
Annual Review of Sociology	134	56	288	0
American Sociological Review	78	16	173	0
American Journal of Sociology	94	32	230	0
В целом по зарубежным журналам	96	16	288	0
Социологические исследования	13	0	91	8
Экономическая социология	38	0	187	4
ЖССА	20	0	160	1,4
Мир России	31	0	118	2,3
В целом по российским журналам	16	0	187	5
По категориям статей				
Зарубежные – теоретические	134	19	288	0
Зарубежные – эмпирические	80	16	230	0
Российские – теоретические	26	0	187	4
Российские – эмпирические	17	0	76	7

ров...» (далее немедленно следуют процентные распределения), либо давать в последнем абзаце несколько цифр, которые, как предполагается, должны подтвердить правильность предшествующих авторских рассуждений.

Неструктурированность текста, отражающая неупорядоченность научной мысли, проявляется и в основных частях текста, о которых мы скажем подробнее ниже, и в подведении итогов исследований. Большинству из нас, как известно, свойственна нелюбовь к написанию заключений и аннотаций. Наши статьи часто не содержат заключений вообще, а аннотации носят характер формальных отписок на 2–3 строчки. Между тем, именно эти два раздела беспощадно обнаруживают нашу неспособность объяснить читателю (и себе) суть нашего исследования. Игнорирование аннотаций и заключений в отечественных журналах отражает общий смысл нашей работы над публикациями: они пишутся не для читателя, а для того, чтобы, выражаясь жаргоном советских научных работников, «публикнуться». В зарубежных журналах аннотации и заключения, напротив, прописываются очень четко и содержательно. Как известно, хорошо написанная аннотация повышает шансы статьи быть прочитанной и процитированной среди нескольких сотен других, выданных в результате запроса в поисковой системе. Заключения многих статей в *Annual Review of Sociology* вообще идеальны для «ленивого читателя»: они написаны в виде тезисов по пунктам, что чрезвычайно облегчает работу с текстом.

**«Сам я в последние годы ничего не читаю.
Только пишу»**

Эти слова, сказанные несколько лет назад в радиоинтервью одним известным российским

социологом, отражают инверсию ценностей в нашем профессиональном сообществе: мы гордимся тем, чего ученому следовало бы стыдиться. И дело не только в высокомерно-пренебрежительном отношении к своим коллегам, которые, как предполагается, не могут создать ничего заслуживающего нашего внимания. Гораздо серьезнее то, что мы действительно мало читаем, о чем свидетельствуют скромные списки источников в наших публикациях.

Таблица 4 отражает фундаментальные различия научной культуры российских и зарубежных социологов. Не только ведущие издания, но и журналы из 2–3 квартилей рейтинга WoS или Scopus не примут к публикации статью, автор которой игнорирует результаты предыдущих исследований по данной теме и не представляет убедительных доказательств новизны своего подхода и полученных результатов. Особенно высокие требования в этом плане предъявляются к статьям в журнале *Annual Review of Sociology*, где велика доля публикаций теоретико-методологического характера.

Мы же считаем, что перелопачивание больших массивов литературы по теме исследования – удел аспиранта, и, получив диплом кандидата/доктора наук, социолог избавлен от необходимости доказывать новизну результатов своей научной работы. Мы не считаем зазорным работать с теоретико-методологическим багажом, сформированным 20–30–40 лет назад, практически не обновляя его, представлять в научный журнал статьи, написанные на основе «личного жизненного опыта». Парадоксален факт, что почти каждая десятая статья в основных рубриках ведущего социологического журнала страны написана «на пустом месте», вообще без обращения к литературе.

Отметим, что к такому обращению с источниками нас отчасти подталкивает и редакционная политика журналов, предполагающая вышеупомянутое ограничение объема текстов. В зарубежных журналах коэффициент корреляции Пирсона между объемом текстов и количеством цитированных источников составил 0.1 (значимо на уровне $p < 0.05$), в отечественных эта связь гораздо сильнее – 0.6 (значимо при $p < 0.01$).

Научный уровень источников, к которым мы обращаемся, заслуживает отдельного анализа, но бросается в глаза качественное несоответствие списков литературы зарубежных и российских авторов. В первом случае абсолютно доминируют источники академического характера. Источники в российских статьях часто состоят из самоцитирований, популярных изданий, материалов СМИ, произведений художественной и публицистической литературы, ссылок на нормативные акты, высказывания деятелей партии и правительства («*Вступительное слово Президента РФ на совещании по вопросам...*», «*Материалы совещания в подмосковной Барвихе*», «*Постановление Администрации региона такого-то*»).

Такое отношение к анализу литературы выливается, с одной стороны, в «изобретение велосипедов» или «вечных двигателей», представление умозрительных авторских концепций. Не подкрепленные эмпирическими фактами рассуждения не мешают нам делать выводы, например, о *воздействии* массовой культуры на человека – каузальные заключения, которые не позволяют себе даже зарубежные авторы, использующие продвинутые методы статистического анализа на больших массивах данных.

С другой стороны, мы получаем «ползучий эмпиризм», обусловливающий узколокальный характер эмпирических исследований. Мы изучаем жизненные ценности, политические ориентации, социальное самочувствие и социальные портреты жителей/молодежи города/региона такого-то, чувашских учителей, сербских и латгальских студентов, получая данные чисто описательного характера, без малейших попыток вписать их в какой-либо научный дискурс, дать им теоретическое объяснение, обосновать, почему эти результаты должны быть интересны кому-то еще, помимо авторов⁴.

В этом плане обращают на себя внимание стилистические различия в написании текстов. Зарубежные авторы ориентированы на компетентного читателя, в то время как многие российские статьи отличаются облегченным, популяризаторским стилем изложения. Некоторые наши работы носят характер учебных пособий, содержат вместо *критического анализа* концепций и предыдущих исследований их *пересказ*.

Методы исследований: умозрительные суждения или доказательства?

Разделы, содержащие описание и обоснование методов проведения исследования, в зарубежных статьях нередко занимают около трети общего объема текста. В пересчете на средний объем зарубежной эмпирической статьи, напомним, это почти печатный лист. В обязательном порядке авторы представляют подробные сведения об общей логике, модели исследования (часто представленной графически), этапах исследовательских процедур. Подробно расписываются индикаторы исследования. Если авторы используют ранее разработанные индикаторы, то даются ссылки на источники инструментария; если используются авторские индикаторы – они представляются полностью, с дословными формулировками либо в тексте статьи, либо в приложении. Как правило, авторские индикаторы подвергаются процедуре валидации, результаты которой также приведены. Подробно представлены характеристики выборки, этапы и методы анализа данных.

Именно высокими требованиями к методологии исследований, в частности, объясняются больший объем статей с эмпирическими результатами, а также большее количество авторов в расчете на статью по сравнению с чисто теоретическими материалами (см. табл. 3). Что же касается российских публикаций, то методологический раздел часто просто отсутствует в работах. Редакционные ограничения объема текстов в сочетании с низким уровнем нашей методологической культуры приводят к тому, что индикаторы берутся «из головы», а описание методов исследования умещается в 2–3 строчках в сносках. Часто мы даже не утруждаем себя (и читателя) описанием методологии, сразу переходя к представлению результатов. Редким «гостем» в наших публикациях является такая процедура, как анализ надежности индикаторов (см., например, [11]).

Как видно из таблицы 5, мы, как и авторы ведущих международных журналов, одинаково тяготеем к количественным методам исследований, однако в ведущих журналах вдвое чаще встречается сочетание качественных и количественных методов, что позволяет ожидать более высокого уровня исследования. По нашему убеждению, именно интеграция качественных и количественных методов, индуктивной и дедуктивной логик исследования позволяет обеспечить комплексный характер наших проектов, «объемный» взгляд на изучаемые феномены [12; 13].

Отметим, что если зарубежные тексты достаточно легко поддавались формализации по

Таблица 5

Распределение эмпирических статей по методам исследования, N=1028, % по строке

Группы журналов	Только качественные	Только количественные	Сочетание качественных и количественных методов
В целом по зарубежным журналам	11	71	18
Социологические исследования	13	82	5
Экономическая социология	50	30	20
ЖССА	44	40	16
Мир России	28	58	14
В целом по российским журналам	23	68	9

Таблица 6

Характер выборок в эмпирических исследованиях с применением количественных методов, N=825, % по строке

Группы журналов	Выборки локального характера	«Big data», масштабные репрезентативные выборки
В целом по зарубежным журналам	62	38
Социологические исследования	93	7
Экономическая социология	57	43
ЖССА	86	14
Мир России	67	33
В целом по российским журналам	88	12

этому критерию, то в случае с российскими статьями возникали трудности ввиду 1) отсутствия информации о методологии исследования; 2) заявленного сочетания в исследовании качественных и количественных методов при отсутствии в статье «следов» тех либо других; 3) нарушения логики анализа, когда собранные в ходе формализованного опроса данные даже не подвергаются простейшим методам анализа, а описываются в терминах «подавляющее большинство ответов» либо, напротив, считаются процентные распределения ответов в углубленных интервью.

Маленькая выборка? Назовем опрос «экспертным»

Небрежное отношение исследователей к формированию выборок – проблема, неоднократно поднимавшаяся на страницах российских журналов [3]. Мы столкнулись с этими ограничениями при попытке сформировать количественный индикатор объема выборок в статьях, обнаружив, что многие российские авторы просто не указывают количество единиц наблюдения в своих исследованиях. Поэтому при кодировке мы разделили выборки на две категории – «локальных» (до 10 тыс. единиц наблюдения) и условно названных «Big data» (10 тыс. и более) (см. табл. 6).

Сравнительный анализ показал, что элита мировой социологии переключилась на работу с большими массивами данных, репрезентативными в национальном или отраслевом масшта-

бе выборками, размер которых может составлять до 500 тыс. наблюдений. Почти половина зарубежных эмпирических статей была основана на данных лонгитюдных исследований (*General Social Survey, Current Population Survey, National Longitudinal Study of Adolescent Health, National Longitudinal Survey of Youth, Americas Barometer survey*) за период до 60 лет, а также международных сравнительных исследований (*International Social Survey Program*).

Многие российские социологи также работают с базами данных, которые могут быть отнесены к «Big data» (*RLMS, World Value Survey, European Value Survey, European Social Survey*). Однако в большинстве случаев представленный в статьях анализ выполняется по ограниченному числу наблюдений – например, по одной «волне» лонгитюда. Исследования, в полной мере использующие лонгитюдный характер данных RLMS (например, [14]) и масштабные выборки других исследований [15], относительно немногочисленны.

Существенные различия наблюдаются и в оперировании выборками «локального» характера. В зарубежных статьях, основанных на количественных методах, минимальный размер таких выборок обычно составляет 300–400 единиц наблюдения. Просмотр российских статей оставляет впечатление, что авторы соревнуются между собой в том, «кто опросит меньше». Неоднократно нам встречались выборки размером в 30–50 человек, к которым, тем не менее, применялись методы количественного анализа. «Оправданием» использования таких мик-

Таблица 7

**Характер данных в эмпирических исследованиях с применением количественных методов,
N=825, % по строке**

Группы журналов	Только опрос	Данные неопросного, объективного характера	Комбинирование опросных и объективных данных
В целом по зарубежным журналам	46	46	8
Социологические исследования	90	7	3
Экономическая социология	67	23	10
ЖССА	67	30	3
Мир России	75	23	2
В целом по российским журналам	84	13	3

Таблица 8

**Уровень математических методов в количественных эмпирических исследованиях,
N=825, % по строке**

Группы журналов	Только дескриптивная статистика	Простейшие многомерные методы анализа	Продвинутое методы статистического анализа
В целом по зарубежным журналам	9	1	90
Социологические исследования	87	7	6
Экономическая социология	33	10	57
ЖССА	84	8	8
Мир России	61	14	25
В целом по российским журналам	81	8	11

роскопических выборок является указание на то, что опрос носил «экспертный» характер, однако обоснований того, почему столь узок круг экспертов, например, по вопросам расизма, семейных ценностей или исторической памяти о Великой Отечественной войне, не приводится. Использование маленьких выборок не мешает авторам делать обобщения – например, на данных опроса 75 «экспертов» утверждать, что, «как показывает проведенный опрос, для большинства населения наиболее приемлемым способом получения информации является...». Статья с использованием качественных методов может быть построена на единственном глубинном интервью. Ни одного подобного примера в западных журналах мы не нашли (табл. 7).

Еще одна тенденция, из которой пока что выпадают российские социологи, – это обращение к данным неопросного, «объективного» характера. К ним относятся, например, более 1000 пресс-релизов и 50000 газетных статей и транскриптов телепередач, письменно зафиксированные мнения судей за 35-летний период, данные 300 тысяч интернет-аукционов, статистика межэтнических браков, протестных движений, арестов и тюремных заключений. Как видим, стремление оперировать данными «объективного» характера и поворот к стратегии использования «больших данных» тесно взаимосвязаны [16; 17] и знаменуют отказ от «убогого взгляда на социологию, сводящуюся к опросам общественного мнения» [18] и изучающую социальную реальность, искаженную мнениями, оцен-

ками, восприятиями, «социально желательными» ответами респондентов.

Что касается российских социологов, то к немногочисленным примерам обращения к данным «объективного» характера можно отнести сочетание опроса с количественным анализом медицинских карт [19], анализ анкет, сведений из УВД и скорой медицинской помощи [20], статистики об участниках протестных движений в социальных сетях [21], контент-анализ периодических изданий и текстов в социальных сетях, количественный анализ диссертационных исследований.

Социология – прибежище гуманитария?

Наиболее существенные различия между российскими и зарубежными статьями касаются уровня методов анализа данных в количественных исследованиях. Практически все статьи в американских журналах (90%) используют «продвинутое», «доказательные» статистические методы анализа данных, такие как регрессионный анализ, моделирование структурными уравнениями, анализ данных с многоуровневой структурой. Справедливости ради отметим, что в самом американском социологическом сообществе тенденция к использованию «все более изощренных» методов анализа, затмевающих при принятии решения о публикации статьи вопросы новизны, оригинальности и содержательной значимости исследования, нередко вызывает критику и иронию [22] (табл. 8).

Таблица 9

Объем публикаций и количество цитируемых источников в российских статьях с различным уровнем методов статистического анализа данных, N=1351

Группы статей	Медианный объем статей, п.л.***	Медианное количество источников***
Нет количественного эмпирического исследования	1.0	21
Только дескриптивная статистика	0.8	10
Простейшие многомерные методы анализа	1.0	13
Продвинутое методы статистического анализа	1.7	29

***Различия значимы на уровне $p < 0.001$

Что же касается распределения российских статей по методам количественного анализа данных, то пропорция как раз обратная: почти 90% не выходят за пределы описательной статистики. Чаще всего результаты представлены на самом примитивном уровне – в виде табличек с процентными распределениями. Реже встречается анализ средних значений, корреляционный, дисперсионный анализ, даются оценки статистической значимости различий (например, [23; 24]).

Еще в 8% проанализированных нами российских статей использовались многомерные методы поиска взаимосвязей и автоматической классификации данных – факторный и кластерный анализ, которые ввиду неоднозначности интерпретаций их результатов относятся, скорее, к «эвристическим» [25], чем к доказательным методам. В отличие от российских социологов, авторы ведущих зарубежных журналов используют факторный анализ (чаще всего такую его разновидность, как подтверждающий ФА – *CFA*, который позволяет проверить заданную гипотетическую структуру данных) в основном лишь как вспомогательный метод проверки валидности инструментария (табл. 9).

Обратим внимание, что значимых различий в количестве цитируемых источников, объеме статей и количестве авторов в расчете на статью между текстами, использующими только дескриптивную статистику и «продвинутое» методы анализа, в зарубежной подвыборке нет. Напротив, для российских публикаций эти различия существенны. Это позволяет предположить, что немногочисленные статьи с «продвинутой» методами анализа являются и более обоснованными в теоретическом плане, чем исследования, ограничивающиеся только описательными методами.

Катастрофическое сознание российского социолога: все еще за железным занавесом?

Проанализированные нами зарубежные статьи отличаются (во всяком случае, стилистически) идеологической, нравственной, эмоциональной нейтральностью. Для российского чи-

тателя весьма непривычна «самодостаточность» элиты мировой социологии. Судя по тематике исследований и характеру постановки задач, многие зарубежные авторы занимаются «наукой ради науки». Они даже не пытаются обосновать практическую значимость своего исследования, а формулируют проблему, исходя из нерешенных научных задач.

Российская же социология во многом продолжает советскую традицию идеологического обслуживания власти, что выражается в обосновании «народнохозяйственного значения» исследований. Наши статьи начинаются с объяснения того, почему та или иная из «*острейших проблем России постсоветского периода*» важна «для развития общества», «преодоления кризиса». В отличие от зарубежных авторов, мы исходим не столько из нерешенных научных проблем, сколько из необходимости «*преодоления негативных общественных явлений*», «*выполнения указов Президента*».

Добавим к этому наше стремление использовать академический журнал как площадку для выражения собственных идеологических/религиозных/нравственных предпочтений. Характер изложения, стилистика написания текстов нередко представляют собой подмену научных выводов «нравственным позиционированием» авторов, что уже неоднократно отмечалось [5; 26]. Мы не стыдимся представлять в научный журнал статьи, написанные в стиле ностальгии по старым добрым временам, рассуждать, например, о том, каким должен быть «образованный», «культурный» человек.

Ценностно-нормативная перегруженность нашего сознания воплощается в своеобразной – публицистично-назидательной – стилистике текста. Мы по-прежнему активно используем речевые обороты, утвердившиеся в гуманитарных науках со времен сталинизма, и расширяем их список новыми «катастрофическими» терминами: «*неблагоприятные тенденции ... , чрезвычайно обострившиеся в период реформ*», «*чудовищная целенаправленно внедренная ложь на выдающийся подвиг советского народа*», «*лжепропаганда*», «*плутократия*», «*мифы и фальшивки*», «*социальные болезни*», «*угроза интеллектуальной*

и социальной деградации общества», «вызывает тревогу показатель количества...», «деструктивные трансформации».

Все это отражает, на наш взгляд, непрофессионализм и кризис идентичности российских социологов. Мы пишем для академического журнала статьи публицистического характера, забывая о том, что непредвзятость, идеологическая нейтральность, способность отстраненно взглянуть на анализируемые явления – *sine qua non* научной картины мира. Функцию изучения социальной реальности мы подменяем стремлением ее изменить, что не позволяет доверять получаемым нами результатам. Кроме того, беря на себя функцию пропаганды, формирования общественного мнения, мы забываем, что гораздо лучше нас с этой функцией справляется армия PR-менеджеров, журналистов, публицистов.

Итак, наш анализ различий между публикациями в ведущих российских социологических журналах и американских общесоциологических журналах, занимающих три верхние позиции в международном рейтинге цитирования, позволяет предположить, что вовсе не языковой барьер является препятствием для интеграции российских социологов в мировую науку. Проблема в принципиально иной научной культуре, наличии «порочного круга непрофессионализма» российской социологии. Мы существенно отстаем по всем основным компонентам исследовательской деятельности: структура научной публикации, ее научный аппарат, методология исследования, уровень методов статистического анализа данных. Ориентация на «внутреннее потребление» нашего научного продукта обуславливает низкий уровень профессиональных требований, которые выражаются в низкой культуре работы с научной литературой, абсолютном доминировании исследований описательного, а не доказательного, характера, примитивном арсенале методов сбора и анализа данных. Тот факт, что социолог не может осмыслить полученные им данные и представить что-то большее, чем таблички с процентными распределениями, обуславливает низкий общественный престиж социологии. Последнее, в свою очередь, затрудняет доступ к ресурсам проведения исследований, заставляет социологов существовать в режиме выживания, который, как известно, противоречит стратегии развития.

Можно ли изменить данную ситуацию? На наш взгляд, свой вклад в повышение престижа отечественной социологии может и должна внести редакционная политика ведущих социологических журналов, повышая планку редакционных требований, стремясь унифицировать структуру публикаций в соответствии с той, что

принята в международных журналах, требуя пропорциональности теоретического, методологического и эмпирического разделов текста, заставляя авторов отказываться от описательности и задумываться о научной новизне проведенных исследований. На примере отечественных журналов очевидны издержки «демократичного» (или популистского?) принципа «много маленьких статей». С одной стороны, ограничения объема служат оправданием авторам, ориентированным на социологическую эссеистику. С другой, даже стремясь сделать полноценный анализ литературы, обосновать методологию исследования, продемонстрировать различные подходы к анализу данных и критически обсудить полученные результаты, мы сталкиваемся с необходимостью «резать» именно обзорно-аналитические и методологические разделы своих текстов, наиболее «емкие» по количеству символов, и оставлять голые таблицы с минимальными комментариями. Поэтому, на наш взгляд, норма в 1 печатный лист должна стать не *верхней*, а *нижней* планкой принимаемых к публикации статей.

Разумеется, снятие формальных ограничений само по себе не сможет повысить уровень публикаций отечественных социологов. На наш взгляд, прежде всего нам самим следует отказаться от самоуспокоения и осознать недостаточность нашей профессиональной квалификации: мы мало читаем, плохо знаем методы анализа, и в этом направлении нам следует расти. Сравнительный анализ показал необходимость более серьезной работы отечественных авторов с литературой (в особенности для социологов-«количественников»), движения в сторону использования больших, национально репрезентативных, баз данных, расширения информационной и методологической базы своих исследований. По нашему убеждению, повышению общественного престижа социологии может способствовать отказ от имиджа социологического знания как исключительно «гуманитарного» за счет использования более продвинутых, доказательных методов анализа данных, повышения уровня математической квалификации социологов, отказа от эссеистики и публицистичности.

Примечания

1. В анализ не были включены журналы, занимавшие с 4-го по 7-е места в рейтинге РИНЦ («Социология 4М», «Социологический журнал», «Журнал исследований социальной политики» и «Alma mater») по причине либо малого количества выпусков за 2010–2014 гг., либо специализированной тематической направленности журналов.

2. Автор выражает благодарность А. Антоновой и А. Миленину за техническую помощь в сборе данных.

3. При анализе объема публикаций и количества цитируемых источников в качестве мер центральной тенденции использовались медианы как более достоверный, по нашему мнению, показатель, сглаживающий влияние отдельных «выбросов» – очень высоких значений.

4. Между тем, современные тенденции развития социальных наук в мире как раз включают борьбу с «местечковостью» эмпирических исследований. Так, на конференции Общества развития социэкономии (*Society for the Advancement of Socio-Economics – SASE*) летом 2014 года редакторами ведущих международных журналов было озвучено обращение к будущим авторам: «Пожалуйста, не присылайте статей, научная новизна которых сводится к применению такого-то теоретического подхода к эмпирическому исследованию жителей такой-то страны. Это никому не интересно. Важен ваш вклад в развитие теории, вскрытие универсальных закономерностей, а не просто эмпирическая апробация известных концепций».

Список литературы

1. Романовский Н.В. Качество социологического знания (заметки редактора) // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 39–47.
2. Радаев В.В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 3–17.
3. Толстова Ю.Н. Возросла ли эффективность методов социологических исследований в России за последние 100 лет? // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 59–69.
4. Соколов М.М. О процессе академической (де)цивилизации // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 21–30.
5. Татарова Г.Г. Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 72–84.
6. Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Когнитивная структура современной российской социологии по данным журнальных ссылок // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 4. С. 144–166.
7. Дьяченко Е.Л. Интернационализация в науке: дисциплинарные различия // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 101–111.
8. Кинчарова А.В., Соколов М.М. Исследовательские практики российских социологов // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 58–68.
9. Эфендиев А.Г., Сорокин П.С., Балабанова Е.С. Основные проблемы развития российских и зарубежных социологических журналов // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 36–49.
10. Гришина Е.А. О тенденциях в практике научно-исследовательских работ по социологии // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 130–135.
11. Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.А. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87–100.
12. Балабанова Е.С. О комплексном характере социологических исследований // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 11–16.
13. Лаба Л.Я. Способы интеграции качественных и количественных методов в социологических исследованиях // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 124–129.
14. Зудина А.А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.
15. Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135–146.
16. Дудина В.И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 13–22.
17. Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / Под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: Online Market Intelligence, 2016. 556 с.
18. Волков В.В., Скугаревский Д.А., Титаев К.Д. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 48–58.
19. Исупова О.Г., Русанова Н.Е. Социальный портрет пациентов репродуктивной медицины // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 88–98.
20. Пучков П.В., Беляева Л.С. Характеристики суицидального поведения в Саратове // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 77–80.
21. Ушкин С.Г. Новая виртуальная оппозиция: кто она? // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 86–90.
22. Губа К.С. Как устроены журнальные редакции: отбор рукописей в американской социологии // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2013. Т. 5. № 3. С. 66–89.
23. Ребров А.В. Факторы формирования мотивации работников // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 38–49.
24. Захаров В.Я., Воронин Г.Л., Захаров И.В. Социальные проблемы трансформации промышленных предприятий // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 25–36.
25. Крыштановский А.О. «Кластеры на факторах» – об одном распространенном заблуждении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2005. № 21. С. 172–187.
26. Розов Н. Стагнация социологии как выражение общего недуга российского обществознания [Электронный ресурс] // Сайт Полит.ру. 9 октября 2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/10/09/rozov/> (дата обращения: 02.12.2014).

ON THE PROFESSIONAL CULTURE OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS*E.S. Balabanova*

National Research University Higher School of Economics, Moscow

The paper introduces an analysis of the academic publications as a key indicator of the sociologist's professional culture. The results of the empirical study that includes a comparative survey of 1829 research articles from top Russian and international sociological journals are presented. Based on quantitative indicators, the empirical evidence of the Russian sociological culture's considerable lagging behind compared to international standards, was demonstrated. The most obvious gaps are observed in such areas as the structure of research articles; their theoretical and methodological background; diversity and transparency of research methods; sampling; and using of advanced methods of statistical data analysis. It is emphasized that Russian sociologists drop out from modern international trends for non-survey methods of data collection, and the language of Russian sociology is highly «normative» and ideologically-biased. The author concludes that the crisis in Russian sociology is mainly an endogenous process that can be described in terms of a «vicious circle of lack of professionalism».

Keywords: Russian sociology, international sociology, sociological journals, professional culture, research methods, quantitative research, samples, methods of statistical data analysis.